то обстоятельство, что Бернштейнъ въ своей книгѣ и Каутскій въ отвѣтѣ на нее могли различно истолковывать однѣ и тѣ же цифровыя данныя, касающіяся, напр., германской промышленной статистики за 1882 г. и 1895 г. или распредѣленія доходовъ въ Саксоніи между 1879 и 1894 г., показываетъ, что эти документы рисуютъ процессъ капиталистической эволюціи далеко не въ томъ чистомъ и классически заостренномъ видѣ, къ какому пріучила насъ формула марксизма. Замѣтьте, здѣсь мы нисколько не становимся на ту почву принципіальнаго скептицизма по отношенію къ статистикѣ, стоя на которой Карлейль любилъ, напр., говорить: «статистика, это — кэбъ, куда захочешь, туда и свезетъ». Нѣтъ, мы указываемъ лишь, что изученіе данныхъ въ такомъ крупномъ и сравнительно простомъ, казалось бы, вопросѣ, какъ капиталистическая концентрація, не даетъ намъ рѣшительныхъ выводовъ, которые бы позволили безъ оговорокъ принять теорію фатальнаго перехода современнаго строя въ строй соціалистическій на основаніи лишь экономической эволюціи. Стараясь избѣжать преувеличеній буржуазной и мелко буржуазной школы, которая упорно и, конечно, далеко не безкорыстно отрицаетъ всякую общую тенденцію къ концентраціи капиталовъ, мы можемъ однако сказать, что есть страны и есть цѣлыя отрасли производствъ, въ которыхъ упомянутый процессъ концентраціи если и происходитъ, то происходитъ съ такою медленностью, что теорія крушенія на основаніи экономической необходимости должна отодвинуть свое практическое торжество въ неопредѣленное будущее. Къ числу такихъ странъ относится, напр., Франція, гдѣ индустріализація совершается сравнительно вяло; гдѣ есть цѣлыя отрасли промышленности, отличающіяся мелкимъ характеромъ производства; гдѣ, въ особенности въ земледѣліи, движеніе собственности принимаетъ неопредѣленныя, противорѣчивыя, часто даже идущія противъ теоріи концентраціи формы.

Земледѣліе, впрочемъ, во многихъ странахъ является камнемъ претквовенія для чистой формулы марксизма. И кто читалъ хотя бы книгу Каутскаго объ «Аграрномъ во-

просѣ», не можетъ не припомнить тѣхъ логическихъ усилій, которыя авторъ употребляетъ для того, чтобы втиснуть земледѣльческое производство въ рамку теоріи концентраціи, равно какъ тѣхъ оговорокъ, тѣхъ ограниченій, къ которымъ онъ прибѣгаетъ, чтобы стереть специфическую разницу между современнымъ земледѣліемъ и современной индустріей, апеллируя къ будущему развитію сельскаго хозяйства, еще не совершившемуся и какъ разъ подлежащему серьезной провѣркѣ. Не приходится ли самому Каутскому въ этой книгѣ констатировать тотъ фактъ, что изученіе земледѣльческой статистики различныхъ странъ указываетъ, въ противоположность англійской статистикѣ, не на исчезновеніе, но скорѣе на легкое увеличеніе мелкаго земледѣлія? Правда, авторъ старается представить эти цифры лишь болѣе или менѣе призрачными и истолковать ихъ въ смыслѣ благопріятномъ для обычной марксистской доктрины. Но даже и не для всѣхъ марксистовъ его доводы кажутся убѣдительными. Уже его попытка вмѣсто классическаго поглощенія мелкой собственности крупною подставить чуть ли не необходимость сосуществованія бокъ-о-бокъ двухъ родовъ собственности, — а именно крупнаго хозяйства, основаннаго на наемномъ трудѣ, и мелкой мужицкой собственности, поставляющей рабочія силы сосѣднему большому имѣнію, — уже эта попытка достаточно краснорѣчиво говоритъ о томъ, съ какою энергіею факты въ этой области сопротивляются ихъ пригибанію къ требованіямъ теоріи. Торжество формулы крушенія въ земледѣльческой сферѣ Каутскій ожидаетъ главнымъ образомъ отъ того, что индустрія наложитъ свой отпечатокъ и на теперешнее сельское хозяйство; что различныя отрасли послѣдняго все болѣе и болѣе превратятся въ простыя вѣтви промышленности; и что промышленный пролетаріатъ высвободитъ и крестьянина изъ-подъ ига капиталистической собственности. Здѣсь категорія желательнаго, очевидно, диктуетъ свои велѣнія объективному ходу вещей.

Интересно, что въ одной изъ статей въ Neue Zeit, появившихся уже послѣ выхода въ свѣтъ «Аграрнаго вопроса», Каутскій въ особенности подчеркиваетъ въ смыслѣ,